Как и все, что заманчиво и недостижимо (недостижимость стимулирует заманчивость), Сабиняния, что называется, находится в зоне горячей информационной ротации. Ей посвящены бесчисленные мемы, плакаты, рисунки на футболках, художественные рассказы, компьютерные игры. Про нее говорят, о ней пишут, на нее ссылаются, ею грозят, ее ставят в пример. Вобщем, у потребителя есть все, кроме нее самой. Я сам состою в нескольких посвященных ей интернет-сообществах. Скорее, я делаю это не для того, чтобы обогатиться информацией о любимом предмете (тем более что у большинства участников обсуждений ее гораздо меньше, чем у меня), а чтобы смягчить горечь неутоленного обладания. Я общаюсь с такими же, как я, мечтателями о Сабинянии, и чувство общности нашей потери (хотя ведь нельзя потерять то, чего никогда не имел) хоть немного, но утешает меня. Впрочем, большинство любителей почесать языками на тему сабинянской загадки, скорее, принадлежат к типу не безнадежно влюбленных, как я, а праздных гуляк, влекомых модой… Да-да, я знаю, я чересчур строг. Или это во мне говорит ревность? Ревность к тысячам других, которые отдали свое сердце тому же предмету, что и я? Может, я хочу наслаждаться своим страданием один, не теряясь в толпе? Или я вижу в них конкурентов на мой хоть и минимально возможный, но шанс? Да, пожалуй, мои чувства неразумны. И все-таки каждый вечер я от безнадежности снова и снова бросаюсь в гущу споров, тоски, ревности и любви.

Основная тема дискуссий – это, конечно же, оценка шансов попасть в Сабинянию. Для каждого из нас она стремится к нулю, что не мешает нам бесконечно гадать, задаваться риторическими вопросами, делать бессмысленные предположения и т.д. Увы, никакой официальной «формы заявки» на попадание в Сабинянию нет. Да и подавать ее некому. Руководство заповедника общается с миром в одностороннем порядке, без обратной связи. Очевидно, есть какая-то возможность «вызова» Сабинянии для официальных лиц других государств, но, так или иначе, этот путь для нас тоже закрыт. Самые уважаемые участники наших фанатских сообществ – это те несколько избранных, которые в разные годы ступили за бетонную стену в составе «экскурсий». На самом деле этих счастливчиков насчитывается уже несколько сотен по всему миру, но на то, видимо, они и избранные, что избегают пускать свои драгоценные впечатления в тираж. Большинство вообще не публичны. Приходится признать, что Сабиняния не зря выбрала именно их. Но как же она их выбрала? Каков критерий отбора? Судя по тому, что мне известно, все они были замечены и приглашены самим «верховным жрецом». Большинство из них - всевозможные экоактивисты. Кто-то специализируется на борьбе с мусором, кто-то – с рубками лесов, кто-то останавливает тяжелую технику, которая пытается построить очередной нефтепровод, кто-то ломает незаконные заборы на берегах и получает увечья от охранников богачей-хозяев и т.д. Попадаются и активисты общегуманитарного профиля, не связанные с охраной природы. Впрочем, было несколько и совсем необщественных людей. Я бы даже сказал, нелюдимых. Это давало бы мне определенный шанс (ибо я сам такой), если бы не их таланты – как правило, это писатели или поэты. Хорошие, но сторонящиеся т.н. коммерческой раскрутки.

Получается, в большинстве своем те, кто был допущен в Сабинянию – это так или иначе полезные обществу люди, посвятившие свою жизнь воплощению идей добра. Таково базовое представление о том, что нужно делать, чтобы тебя выбрали. Никаких гламурных журналистов и блогеров, которые любят получать острые ощущения и делать оригинальные селфи, вы в списке не встретите. Сабинянии не нужен пиар. Во всяком случае, ей не нужен пиар прикольной закрытой страны, куда модно пытаться попасть. Конечно, в определенной информации о себе она заинтересована. Нужно, например, чтобы мир знал, что это уникальное общество действительно существует, что его люди готовы до последней капли крови защищаться от внешнего вторжения и что оно никогда не станет открытым. Именно что никогда. Любой пиар закрытости, как известно, предполагает лишь повышение цены за право открыть. Но здесь – иное. Тщательно отобранные экскурсанты должны убедить мир в том, что

Сабиняния никогда не станет его игрушкой. Умрет – возможно. Но никогда не подчинится. Значит, достойные допуска в Сабинянию, как минимум, не должны видеть в этой экскурсии престижное развлечение, венец своей карьеры популярного общественника. Это серьезная миссия, в которой человек не думает о себе, а думает о деле. О Сабинянии, о ее будущем и о будущем всех нас…

Извиняюсь за, возможно, излишний пафос. Но так рассуждаю я, так рассуждают многие мои коллеги по мечте. Возможно, мы преувеличиваем. Но мы все время пытаемся определить набор критериев, который бы позволил кому-то из нас (каждый надеется, что это будет именно он) однажды получить заветное приглашение. Какими мы должны быть? Героями-природоохранниками, останавливающими своей грудью лесорубов, которые валят реликтовые леса, или спасителями животных-сирот? Пожалуй, шанс у таких людей примерно на 15% больше, чем у других. Но при этом множество типичных героев так и не получили приглашения, хотя много лет громко выражали свое желание. Любопытно, увеличивает ли наши шансы фанатская активность? Всем нам интуитивно кажется, что чем больше мы позиционируем себя как страстные поклонники Сабинянии, тем больше вероятность, что таинственный Верховный Жрец нас заметит. Но это не так: очень многие приглашенные никакой активности прежде не проявляли. Во всяком случае, они так говорят.

Так получилось, что я не являюсь заметной персоной в природоохранном движении. Во многом из-за своей малообщительности. Если я и активист, то одиночка. Соответственно, я вряд ли могу быть в этом смысле заметен для Верховного Жреца, только если не считать, что у него есть какие-то нетривиальные способы различать индивидов среди многомиллиардного человеческого месива. Я не творческий человек, не поэт, не писатель и не журналист. Я не врачеватель душ, и пользы от меня миру мало. Единственное, чем я располагаю – это страстное желание оказаться с внутренней стороны стены. Мне ничего не остается, как активно это демонстрировать в интернете. Потому что если бы я не делал и этого, то мои шансы из стремящихся к нулю стали бы просто нулевыми. Конечно, я мог бы уповать на сверхвидение Верховного Жреца, или я мог бы молиться богине Сабине. Но последнее затруднено из-за моего скепсиса. При всем уважении и восхищении Сабинянией я не могу стать искренним сабинянином сам – то есть поверить в существование какого-то специфического божества, которое отвечает за маленький кусочек рая на берегу моря.

Критика цивилизации – общее место почти для всех людей с претензией на образованность. Сабиняния рифмуется со всем традиционным и естественным, которые горожанин, чувствуя себя бесконечно виноватым за то, что сам не таков, априори возводит в ранг добродетели. (Иногда, правда, эти добродетели исключают друг друга: например, убить браконьеров было естественным, но уже не очень традиционным актом). Так или иначе, Сабинянию принято приводить в пример всего хорошего в противоположность всему плохому. Считается хорошим тоном, особенно среди интеллигентной молодежи, заявить о своей готовность укрыться там от ужасов современной урбанистической культуры, и прочие бла-бла. Как и мечтательные рассуждения о деревенской пасторали, эти разговоры ведутся тем охотнее, чем больше говорящий уверен, что оказаться в Сабинянии ему никогда не суждено. Впрочем, многие горячо утверждают, что вот прямо сейчас все бросят и поедут, если позовут. Да – я забыл сказать, что за полвека существования Берега Сабины было три случая, когда представителя внешнего мира принимали в общину. Сначала претендент удостаивался чести оказаться среди экскурсантов, проходил за стену, а там каким-то образом доказывал Сабинянии, что он ей нужен. Думаю, редкость подобного исхода объясняется не только чрезвычайной ответственностью выбора – и со стороны соискателя, и со стороны государства-заповедника, - но и нежеланием Сабинянии увеличивать собственное население. Несмотря на высокую смертность, массовый приток иммигрантов быстро превысит пределы ее вместимости. Опять-

таки, большое количество людей извне, пусть и уверенных, что они готовы полностью принять специфические ценности сообщества, может нарушить его хрупкую стабильность. Эти трое иммигрантов (назовем их избранными в квадрате) официально отказались от гражданства своих государств и заявили, что готовы отдать свое здоровье и жизнь ради новой родины. Больше о них ничего не было известно. Во всяком случае, о них конкретно. Если считать, что любой сабинянин в определенное время может выйти в интернет и пообщаться с цивилизованным миром, то теоретически они могут быть и среди моих собеседников. Проверить это нельзя: никто из сабинян никогда не заявлял о себе в интернете; все подобные самоутверждения оказывались фэйком. Я не знаю, как это объясняет Верховный Жрец, но похоже, сабинянам запрещено общаться в интернете от своего имени. Если им вообще разрешено общаться. Вполне возможно, их связь с внешним миром – односторонняя. Получать информацию о нем они могут, а передавать информацию о себе – нет.

Шаг 1.

Я считаюсь, наверное, продвинутым фаном, потому что в сетевых сообществах с моими суждениями считаются и даже спрашивают экспертного мнения. Это смешно, потому что настоящие эксперты по Сабинянии – те немногие, кто там был – появляются в интернете гораздо реже меня, и еще реже высказываются. Я напоминаю себе старинного картографа Меркатора: говорят, он сам никогда не путешествовал, но ловко умел воспроизводить очертания территории по чужим описаниям. Недавно я и вправду попробовал себя в жанре Меркатора: я нарисовал карту-схему Сабинянии, пользуясь примерно четырьмя десятками известных мне описаний экскурсантов. Иногда указанные ими точки на местности не совпадали друг с другом, и мне приходилось решать, идет ли речь о разных стойбищах (так называются общественные дома, построенные около огородов или ферм, где временно живут постоянно кочующие работники), или все-таки об одном. Иногда я принимал решение, что стойбище передвинули: я делал этот вывод, учитывая неизбежное истощение почв после долгого возделывания. По поводу каменных сооружений тоже возникало разночтение: в итоге можно было счесть, что на территории их два. Но я списал эту ошибку на плохую подготовку экскурсантов в области ориентирования на местности. Таинственное каменное здание конусообразной формы в Сабинянии одно, оно хорошо видно из космоса, и я четко указал его. Изобразил я и все пути миграции от стойбища к стойбищу, от огорода к огороду, от фермы к ферме, от одного рыбоводческого садка к другому. Я даже дерзнул набросать элементы экономико-логистической схемы Сабинянии: учитывая размеры посадок тех и иных культур и распределение по времени всех этапов их обработки, я представил, какие по численности группы, когда и в каких направлениях должны двигаться по тропам. Куда едут порожние телеги или телеги, груженные припасами для работников. Откуда и куда они везут урожай. Где и в какое время находится больше людей, где – меньше. Где проходят тренировки спецназа (экскурсантам случалось наблюдать и такое), где и когда случаются праздники. Наконец, где можно встретить красивых девушек, отдыхающих на пляже. За много лет посетители успели увидеть многое. За исключением, правда, жрецов и их т.н. «работу» (видимо, обряды культа Сабины). Также никто не видел (или не написал об этом) тех самых знаменитых компьютеров, с помощью которых сабиняне выходят на связь с миром. К каменному зданию близко тоже никто не приближался. Не довелось никому наблюдать и жестоких боев, с помощью которых спецназ отгоняет от своей территории внешних хищников. Но это, наверное, к лучшему.

Я сделал анимированную схему, где человечки двигались от одного места к другому. Получилось похоже на глупую компьютерную игру, одну из тех, что одно время делались на тему Сабинянии из-за исчерпанности других сюжетов. Несколько дней подряд я собирал лайки и дружественные отзывы, пока однажды мне не позвонил незнакомый номер.

- Здравствуйте, я Тошук, - произнес довольно высокий голос. - Меня так зовут в нашей

сабинянской группе, вы помните? Ээээ…. Мы с вами как-то раз обсуждали стилистику костюмов и украшений.

- Д-да, кажется, помню… Да, разумеется!

Я вспомнил. Мы не раз переписывались, к обоюдному удовольствию, с этим интересным персонажем. Типичный кабинетный мечтатель. Впрочем, а разве я не такой? Никнэйм Тошук – в стиле имен героев «Аватара». Которые, в свою очередь, стилизуют какое-то общее представление об именах североамериканских индейцев. Да, конечно! В последний раз мы действительно обсуждали сабинянскую «моду». Я предполагал, что это искусственный авторский микс из наиболее известных языческих костюмов – индейцев и кельтов (точнее, того, как мы себе их представляем по кинофильмам). А Тошук возражал, что одеяния сабинян лишены какой бы то ни было искусственности. Что они – как раз пример наиболее естественной композиции из тех немногих природных материалов, которые им доступны. И даже чисто декоративные элементы – косички, бусины, татуировки, плетения из кожаных шнурков - представляются самым оптимальными идеями в условиях недостатка сырья… Вобщем, вполне бессмысленная и приятная фанатская дискуссия. Кажется, есть повод ее продолжить.

- Помню наш разговор. И должен сказать, что мне очень хотелось тогда с вами согласиться. Идея о том, что в Сабинянии все естественно, начиная с экономики и заканчивая эстетикой – конечно, более привлекательна, чем мнение, что это искусственная реконструкция, которая держится лишь на энтузиазме апологетов. Потому что в этом случае она была бы очень недолговечна. А я, как и вы, бесконечно влюбленный, и желаю моему кумиру вечного процветания. Но скепсис, видимо, родился раньше меня. В костюме и декоре явственно видны готовые паттерны, позаимствованные из известных нам культур. Да и не могли они сформироваться самостоятельно, потому что у сабинян не было в запасе 1-2 тысяч лет…

- Тем более, что они постоянно подпитываются информацией из нашей цивилизации, - согласился Тошук. – Да, у них нет собственного прошлого, поэтому они вынуждены заимствовать. Как и многие так называемые естественные народы в древности, кстати. Но сабиняне заимствуют лишь то, что естественно для их образа жизни. Поэтому элементы костюма вплетаются в их жизнь органично, и начинают самостоятельное развитие. Помните, я показывал, что и в костюме, и в украшениях, и в утвари есть множество декоративных мотивов, которые не встречаются более нигде? Они были изобретены именно в Сабинянии. А то из заимствованного, что оказалось слишком искусственным, не отвечало течению жизни – было отброшено. Так что мы с вами можем прийти к компромиссу: сабинянская эстетика – это естественное произведение, выращенное на почве заимствованных элементов… Но я звоню вам не по этой причине. Причина столь важна, что мне даже пришлось приложить некоторые усилия, чтобы узнать ваш телефон… Вас не удивило, что я его знаю?

- Д-да, пожалуй, я его нигде не публикую… Вы сбили меня с толку этими костюмами, и я забыл удивиться…

- Прошу меня извинить. Просто вы опубликовали слишком уж точную карту. Пока не знаю, чем она может быть опасна для сабинян, ведь теоретически объекты и передвижения людей можно увидеть и из космоса… Но все-таки прошу вас ее убрать. К моей просьбе присоединяются и другие, которым, как и вам и мне, было оказано доверие.

- Какое доверие?

- Но ведь вы тоже… там были? Я предположил, что вы были в экскурсии 4 года назад. Я сам в

ней не был, но в тех экскурсиях, которые я знаю хорошо, вас точно не было…

- Вы хотите сказать, что вы - из экскурсантов? Вы были внутри?!

- …Да, был. И был уверен, что вы – мой коллега. Если это не так, то реконструкция карты вам удалась с потрясающей точностью. – Он вздохнул.

Честно говоря, лживые заявления о якобы посещении Сабинянии приходилось слышать столь часто, что я привычно засомневался. Хотя именно сейчас я предпочел бы поверить на слово.

- Должно быть, вы мне не верите?.. Да, не верите. Вот так: вы не верите, что я там был, а я не верю, что вы там не были. Что же нам делать? Может быть, нам стоит увидеться и поговорить подробно? Я живу в N. (он назвал городок в нескольких часах езды от моего). А вы?

Узнав, где я живу, он не выразил по этому поводу никаких эмоций, только немного помычал, размышляя.

- Так. Автобус в вашу сторону отходит примерно в 12. Значит, где-то в 4-5 часов вечера я смогу оказаться у вас. Вы свободны завтра в это время?

Я рассудил про себя, что его готовность на следующий же день преодолеть 400 километров говорит в пользу того, что он говорит правду. Впрочем, ведь никаких 400 километров могло и не быть. Он мог заранее узнать мой адрес, так же, как и телефон, и подготовиться на предмет информации об автобусе… С другой стороны, в нашем маленьком городке я точно знаю все лица. Значит, он в любом случае не местный. И мне действительно хотелось, чтобы все это было правдой. Поэтому я сказал, что свободен, и что буду его ждать.

Шаг 2.

Тошук оказался вовсе не тем компьютерным затворником, которым я его себе представлял. Судя по разговору, когда-то он имел опыт дальних походов с тяжелым рюкзаком. Мы долго обсуждали посторонние предметы, не решаясь перейти к главному. Наверное, оба боялись разочароваться. В конце концов он начал первый:

- Очевидно, вы ждете доказательств. Вот, посмотрите.

Он выложил на стол несколько рисунков. Сабиняне. Трое молодых «спецназовцев» в коротких экзотических нарядах. У одного – сложная прическа из трех светлых кос, уложенных вдоль темени назад. Остальные двое выглядят проще: волосы коротко острижены (настолько коротко, насколько позволяют местные примитивные инструменты). На головах – никаких излишеств, если не считать маленьких, видимо татуированных, рисунков на щеках у самого юного, почти мальчика. (Похоже, Тошук великолепно рисует!). И, конечно, украшения: что-то типа амулетов на шее и на запястьях. Точнее, то, что у любого другого примитивного народа мы сочли бы амулетами.

- Это ведь просто резные бусины или фигурки для красоты, верно? – спросил я, показывая на украшения. – Никакого сакрального значения у них нет?

- Все верно. Вы это однажды обсуждали с одним из наших. Который там был, - добавил Тошук.

- У которого ник Меме?

- Да. Действительно, культ Сабины слишком, если так можно сказать, рационален для того,

чтобы населять окрестности дополнительными божками, духами и увешивать себя их изображениями. Сабина и сама прекрасно справляется с управлением мирозданием. Этими украшениями они просто тешат свое эстетическое чувство. А вот этот, – он показал пальцем, - сказал, что ему плетеную феньку подарила любимая девушка.

- Почему все-таки именно Сабина? – я отвлекся от рисунка. – Вы не находите, что это какое-то наивное, дурацкое имя, с нелепым оттенком гламура? Почему они его выбрали для столь серьезной задачи?

- Противоречивость и наивность религии – лишнее свидетельство того, что это не плод досужего ума. Иначе все было бы аккуратно, солидно, продумано. Скорее всего, получилась бы скучная научная компиляция из известных языческих культов. И уж конечно, никаких Сабин.

- Значит, тому, кто все это замутил первым, действительно было откровение некоей богини Сабины?

- Очень может быть. Но при этом не исключено, что этот человек был из США, где имя очень распространено. Может, ему нравился какой-то кинофильм, где так звали героиню. В любом случае, основатели культа в него искренне верили и верят, - сказал Тошук.

- В конце концов, были еще какие-то сабиняне, точнее, сабинянки, в древнеримских легендах. Вроде бы их кто-то похищал с целью женитьбы. Но эта история к нам уже никак не вяжется, хотя в фанатском творчестве я попытки встречал…

Тошук усмехнулся.

– Пожалуй, тех сабинян к нам никак не притянуть. Но мы отвлеклись. Кажется, мой рисунок вас не очень убедил?

- Не обижайтесь, но он не может служить доказательством. Вы отлично рисуете, неплохо разбираетесь в предмете и могли нарисовать Сабинянию, не побывав там.

- Да, вы правы. А лицо этого белобрысого спезназовца с косами я мог взять из галереи, например, Меме, который ее выкладывал. По его словам, этот парень год назад командовал отрядом. Косы – неписанный знак высокого иерархического ранга. Как бы не боролись жрецы с иерархией, человек без нее не может. И в относительно замкнутом мужском коллективе, особенно военном, она сразу возникает. Наверняка половина этих фенек у него на шее и руках – тоже знак его отличия. Я не спрашивал, но думаю, что они в отряде передаются «по наследству». Единственное, что этот парень – действительно очень крут. И то, что о нем рассказывали, и то, что я видел сам, свидетельствует, что он научился делать при помощи своего тела невероятные вещи.

- Он из тех, кто задерживает дыхание на 4 минуты и незаметно подплывает к браконьерской лодке?

- Да, а потом убивает всех, кто на борту, - ответил Тошук. – Если я скажу, что сам такое видел, вы мне все равно не поверите.

- Пожалуй.

- Но Меме вы верите? Что он там был и сделал эту коллекцию рисунков с натуры? Почему?

Конечно, мистификацией могла быть и коллекция Меме, и рассказы всех прочих. Да и сама

Сабиняния могла быть выдумкой. Я сто раз фантазировал на эту тему. А за стеной находится просто закрытый военный объект или, скажем, обычный заповедник. Все наблюдения со спутников, сообщения об убитых браконьерах, заявления властей разных государств – это просто глобальный заговор лжи. Я улыбнулся, и Тошук улыбнулся в ответ, словно прочитав мои мысли.

- Вы правы, у меня нет никаких оснований верить кому бы то ни было. Все и вся может оказаться ложью. Отчасти я верю Меме по традиции: ему верит все наше фанатское сообщество. Но почему кто-то первый решил ему поверить? Наверное, люди руководствовались аргументом к избыточности усилий. Приложить столько усилий, чтобы солгать, было бы нерентабельно.

- Да, в таком случае мои три рисунка выглядят несерьезно, - сказал Тошук, полез в свою сумку и вытащил толстую папку. – А это – серьезно? Как мне все-таки повезло, что в детстве я посещал кружок рисования. Да и многим другим, кто там оказался.

Здесь было с полсотни рисунков. И законченных, и набросков. Я жадно набросился на эту золотую кладовую, позабыв, что вообще-то должен во всем сомневаться. Бог с ним, посомневаюсь потом! А пока – новая пища изголодавшейся душе. Сабиняния в сотнях лиц! Мои руки нетерпеливо перебирали листы, глаза пожирали изображения - хотелось поглотить сразу все.

Вот коренастый бородатый мужчина рядом с огромным котлом, установленным на костре. На заднем плане видны части типичного временного дома из жердей.

- Это староста стойбища? Готовит еду на всю группу, присланную работать на огород?

- Да, его зовут Хоб. Примерно так произносится, все гласные проглатываются. Даже «о», но иначе мне не произнести. Он в тот год совмещал функции старосты и повара. Он прекрасно готовит и делает это с удовольствием. Вот люди и попросили позволить ему совмещать. Но чаще всего это две разные должности. Это было вот здесь. – Тошук придвинул к себе ноутбук с моей картой и ткнул в зеленое пятнышко на побережье. Там, по моим сведениям, были посадки картофеля и других овощей.

Перебирая рисунки, я задержался на трогательной сцене – морской пляж, обрамленный деревьями, а на заднем плане - группа отдыхающих девушек. Разве могут сравниться с ними нимфы с полотен Ренессанса? Конечно, нет. Тогдашние живописцы не верили в своих нимф. А сабинянские нимфы – реальность, пусть и скрытая за стеной. Это делает их в десять раз выразительней, хоть Тошуку и не сравниться мастерством с Ботичелли. Все девушки - в мешковатых одеяниях типа длинных рубашек. Тошук – слабый колорист, но я хорошо представляю себе, что это неопределенного цвета застиранный лен. Великолепный лен, как и они сами. Я знаю это, хотя дальние лица не прорисованы. Раздеваться при мужчинах здесь нельзя и, чтобы искупаться, девушки, должно быть, прячутся вон за ту скалу – она тоже попала на рисунок. В Сабинянии есть отдельные женские пляжи, но здесь, видимо, до него далеко, девушкам было жалко времени идти туда, и они остались на общем берегу. Поэтому вот – поблизости видны мужские фигуры. И поэтому девушки изображены одетыми. Впрочем, наблюдать их без одежды экскурсант вряд ли бы решился: за это наверняка последовало бы серьезное наказание.

Я рассматривал рисунок и по привычке рассуждал про себя: все верно, как и во всех традиционных обществах, девушки и юноши держатся отдельными группками, но при этом активно переглядываются и пересмеиваются. Конечно же, отношения полов там более

эмоционально насыщенны, чем у нас: так всегда бывает, когда реализацию желания приходится «откладывать».

- Здесь поблизости нет женского пляжа? – спросил я.

- Отчего же, есть. Это вот здесь. Там купаются женщины постарше и мамы с детьми. Он в двухстах метрах. Вы его очень точно изобразили на своей карте.

Так, значит, это место – вот тут, между двумя скалистыми уступами. Я не ошибся!

- Им просто хотелось побыть поближе к юношам. Вот они и сделали вид, что перегрелись на солнце и хотят купаться именно здесь, неподалеку террас с огородами, где работали в тот день, - Тошук показал пальцем. – Было сказочно хорошо смотреть на них. Настолько хорошо, что я даже забыл загрустить, что не могу стать одним из сабинянских парней и вот так невинно кокетничать, сидя на песке и обсыхая после купания. Грущу я сейчас, когда вспоминаю все это… Вот этот молодой человек, - он показал стоящую фигуру – очень мило играл роль доминантного самца. Под одобрительные и даже завистливые возгласы (видимо, другие пока на такое не решались) он осмелился сделать пару лишних шагов в сторону девушек – это считается большой отвагой – и развлекал их застенчивыми шутками. Друзья подыгрывали ему. Больше никто не высовывался вперед, хотя и другие, вероятно, были не прочь. В таких сообществах члены коллектива всегда работают на одного. Никто не в обиде: все знают, что когда придет твоя очередь, тебе тоже подыграют.

Я задумался. Червь сомнения опять дал о себе знать.

- Боюсь – а я всегда всего боюсь, не удивляйтесь – что мы преувеличиваем их добродетели, - сказал я. - Нам бы хотелось, чтобы они были такими милыми и бесхитростными, но возможно ли это? Люди – всегда люди. Я, например, опасаюсь, что в их супербоеспособном спецназе царит такая жуткая дедовщина, по сравнению с которой призывная армия в России 90-х годов покажется детским садом. Вы говорите, что в наблюдаемой вами сцене все мужчины «играли на лидера». Но где это видано, чтобы здоровые молодые парни забыли о собственных интересах, в кои входит потребность к размножению, и добровольно отдали это право доминанту? То есть они это делают, конечно, но не из любви к нему, а повинуясь требованиям субординации. Потому что они подчинены, унижены. И мечтают лишь об одном – поскорее занять его место. А эти девушки? Они выглядят такими беззаботными, совсем как обитательницы турецких пляжей. Но я не знаю, что они чувствуют на самом деле, ведь перед этим они не меньше 8 часов работали на солнцепеке, окучивая овощи и собирая с листьев насекомых-вредителей. И у них не было выбора, работать или не работать. Они – рабы…

Я замолчал. Тошук молчал тоже. Наконец он вымолвил:

- Но ведь вы не хотите, чтобы это было так, верно? Вы мечтаете, чтобы в этом случае, хотя бы один-единственный раз в природе, все оказалось иначе?

- Конечно, я мечтаю об этом. Мне неловко, что я в точности заговорил языком пошлых либеральных критиков Сабинянии. Пошлые критики, пошлые почитатели – все они одинаково отвратительны… Но есть ведь Оруэлл, есть его «Скотный двор» и «1984», есть «Мы» Замятина. Есть, наконец, опыт реализованных утопий вроде СССР, Северной Кореи или, на худой конец, Кубы. Они нам убедительно показывают, что человек не может полностью отказаться от частных желаний ради общего блага. Точнее, может, но в единичных случаях, а массово – никогда. А даже если это и случится, то общее благо от этого тоже пострадает, потому что без личного интереса у человека не будет стимула развиваться, достигать успехов. Цивилизация

запрограммированных роботов обречена на стагнацию и смерть. А чтобы была воля к жизни, нужен личный эгоизм. Не тотальный, иначе он пожрет общественные интересы. Но обязательно нужен баланс общественного и частного…

- А почему бы не предположить, что именно здесь и сейчас этого баланса удалось достичь?

- Здесь его нет по определению. Эти люди 90% своего времени отдают общественному труду, а из частного получают, не считая ночного сна, лишь возможность вот так полчаса-час посидеть на пляже, перешучиваясь с противоположным полом… И это – самые лучшие годы их жизни! А потом будет только хуже. Будет больше усталости, будет больше болезней, будет ранняя смерть… Поверьте, я так не хочу быть пошляком, но я не могу обо всем этом не думать! Будь я одним из них, мне бы волей-неволей пришла в голову мысль о том, а почему я должен вкалывать до седьмого пота, в то время как жрецы, которые заставляют меня работать, сами не перетруждаются? Почему у них есть выбор, чем заниматься, а у меня – нет?

- Возможно, жрецы тоже трудятся, только мы об этом не знаем… Возможно, и у работяг есть выбор – жить тяжелым трудом в Сабинянии или покинуть ее навсегда. Именно что навсегда. Переиграть не удастся. Возможно, зная это и боясь неизвестности, связанной с эмиграцией, они выбирают то, к чему привыкли с детства… Впрочем, я понимаю все ваши сомнения. Мной они тоже часто овладевали. И здесь действительно бессмысленно спорить. Нужно все увидеть своими глазами.

Я быстро взглянул на него. Лицо Тошука было серьезно.

- Но ведь у нас, точнее у меня, нет никаких шансов… - начал я.

- Отчего же нет. Я приехал как раз за тем, чтобы передать, что у вас этот шанс есть. И он будет увеличиваться по мере того, как мы с вами будем приближаться к кордону.

Шаг 3.

В тот вечер мы проговорили до глубокой ночи. А проснувшись на следующее утро, я сразу ворвался к Тошуку – благо, он тоже встал рано – и продолжил расспросы. Я не мог остановиться. Это было невероятно, чудесно, сказочно! Меня выбрали! Я даже не знал, у кого выпрашивать приглашение, а меня, оказывается, давно прекрасно знали, и уже рисовали на какой-то тайной карте линию моей судьбы.

Ко мне вдруг вернулось ощущение из детства, когда я верил, что на свете нет ничего невозможного. И как у ребенка, у меня теперь не было сомнений. Сомневался я, наверное, я первые полчаса. Потом оставшиеся облачка неверия сдуло налетевшим ветром счастья – и воцарилось ясное и чистое небо с сияющим солнцем.

Тошук был в трех экскурсиях. Оказывается, бывало и такое! Он поддерживал связь с представителями жрецов. Точнее, это они поддерживали связь с ним. Нет, он не вел с ними светской переписки: этот жанр сабинянам вообще не свойственен. Просто иногда ему поступали запросы информации, которая была важна для Сабинянии. Конечно, не ему одному. У жрецов, похоже, есть целая сеть внешних информаторов, выбираемых из наиболее надежных друзей страны. Иногда он по просьбе своих корреспондентов пересылал их сообщения кому-то еще. Или, как сейчас, приглашал тех, кого выбрали в будущие экскурсанты. На сей раз в его задачу входило собрать вместе всю группу счастливчиков и провести за кордон в стене.

- Кто-нибудь когда-нибудь отказывался от приглашения? – усмехнувшись, поинтересовался я.

- Нет, - просто ответил Тошук. – Но у меня мало опыта – мне нечасто поручали эту миссию.

- Почему они выбрали меня? Чем я отличился? Ведь я не герой, я не загораживал своим телом проезд бульдозерам, я не сражался с застройщиками лесов, не высаживался на нефтяных платформах в Арктике…

- Я не знаю, чем они руководствовались. На самом деле, я не раз встречал в группах людей, которые своим присутствием отрицали наши с вами представления об «избранных». Но вот я, впрочем, тоже не герой. Но ведь меня тоже почему-то выбрали. – Тошук помолчал. – У меня есть мысль, что жрецы иногда специально приглашают на экскурсии неких «антигероев», то есть что-то прямо противоположное всяким идейным активистам.

- Господи, неужели там бывают китайские туристы с селфи-палками?!

- Так скажем, лучшие их представители, - улыбнулся он. – Я так понимаю, что сабинянам нужно взаимодействовать не только с условно «друзьями», но и с условно врагами – представителями вражеского мышления, вот этими самыми городскими потребителями с их сэлфи и инстаграммами. Эта аудитория, быть может, даже и важнее, потому что до них очень нужно донести мысль, что их миру не надо пытаться «потребить» Сабинянию. Что ничего из этого не выйдет, что она сильная и самодостаточная. Нужно, если можно так сказать, заставить их уважать себя. Потому что если весь цивилизованный мир, по большей части состоящий из таких людей, захочет ее уничтожить – боюсь, он это сделает. Не армии, не оружие, а именно люди с сэлфи-палками представляют опасность, потому что армии в конечном счете делают то, что хотят мирные обыватели их стран. Но это мое мнение. Вобщем, в экскурсиях попадаются разные люди.

- Надеюсь, меня пригласили не как антигероя, - сказал я.

- Надеюсь, меня тоже. Возможно, мы являемся представителями какого-то специфического типа людей, который, хоть это и не очевидно на первый взгляд, Сабиняния тоже как-то может использовать себе на благо.

- Было бы здорово!

- В любом случае, я отдаюсь на мудрость ее руководителей. Если они уже столько лет поддерживают жизнестойкость этого сообщества, значит, легкомысленные решения им не свойственны.

http://tl.rulate.ru/book/60095/1547349